

ла еще своего окончания. Поэтому текст продолжается за грань 1518 г. — до 1523 г. включительно.

Иногда установить, что представляет собой текст — один памятник или два — возможно только с помощью внимательного и кропотливого изучения текста целой группы произведений. Так, Н. А. Казакова, исследуя историю текста дошедших до нас сочинений крупнейшего публициста XVI в. Вассиана Патрикеева, установила, как это мы уже отмечали выше (с. 134—136), что некоторые из его сочинений, считавшиеся двумя различными памятниками, на самом деле представляют собой одно произведение, а другое — возникло из случайного соединения двух различных произведений и на самом деле не является произведением¹.

Прочтение и установление текста

Сосредоточимся прежде всего на вопросе о прочтении текста (в последующих главах мы остановимся подробно на отдельных моментах установления его истории, а в разделе об издании текста на вопросе о его передаче при печатании). «Прочтение текста» ни в коем случае нельзя смешивать с его «передачей» в печати. Передача текста в равной степени делается древним писцом в рукописи и современным наборщиком в наборе. Она может осуществляться телеграфными средствами, средствами телефонной связи, магнитофоном, различными сигнальными системами и пр. Когда мы говорим о передаче текста современным текстологом, мы имеем в виду подготовку им текста для передачи текста средствами современного типографского набора². Прочтение же текста, его рецепция из рукописи — это задача особая.

Прочитанный текст текстолог фиксирует — пока еще только для себя, но не для передачи его средствами типографского набора. Этот процесс прочтения текста и его фиксации текстологом может быть назван установлением текста. На предварительной стадии работы текстолога устанавливается только текст списка. Установление текста редакции, произведения, если оно и может быть произведено, то только после полного изучения истории текста списков (т. е. изучения исторического происхождения текста, дошедшего до нас в реальных списках).

Прочтение текста списка невозможно без знания двух специальных дисциплин: истории языка той эпохи или тех эпох, к которым относятся текст списка и текст самого произведения, и палеографии. Если знание последней дисциплины до известной степени признается всеми текстологами, то обстоятельное знание языка эпохи практически часто отсутствует у текстологов и порождает очень большое количество ошибок прочтения и установления текста в современных изданиях.

¹ Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960.

² Заранее оговоримся: факсимильные воспроизведения ставят себе целью не передачу текста, а воспроизведение рукописи вместе с находящимся в ней текстом.

Палеография и история языка не являются предметами данной книги. Остановимся только на специально текстологических вопросах, связанных с прочтением и установлением текста. Допустим, текст прочитан палеографически, т. е. все буквы выяснены, значение выносных знаков и букв также, — надо еще прочесть текст текстологически, т. е. понять этот текст. Можно палеографически прочесть слово «смерд», но не понять его.

Правильное чтение текста есть правильное его понимание. Если даже в тексте имеются явные описки писца, то мы должны понять происхождение этих описок, суметь их понять как описки. Допустим, что писец написал бесмыслицу. Мы должны попытаться узнать — какой характер имеет эта бесмыслица. Произошла ли она потому, что писец не смог понять своего оригинала и, отчаявшись, написал те буквы, которые, как ему казалось, он видел, или ошибка произошла помимо его воли, вследствие механического пропуска и т. п.

Первая задача, которая стоит перед текстологом, читающим текст, — это разбить текст на слова и уяснить его синтаксически, внести в него языковую ясность.

В русских рукописях до XVIII в., а частично и после, не было современной разбивки на слова. Слова писались либо полностью в строку, либо частично. В последнем случае чаще всего к последующему слову примыкали предлоги.

Приведу примеры неправильного разделения на слова.

А. Н. Оленин в «Кратком рассуждении об издании Полного собрания дееписателей» приводит следующие примеры неправильного разделения на слова, указанные известным археографом начала XIX в. Ермоловым: «В Новгородском летописце, изданном во 2-й части продолжения Древней российской вивлиофики, на с. 351 напечатано: “В лето ^{SCFOE} ₆₅₇₅ заратися Все-слав сын Бречеславль, Полотьский за Янов город”, Из сих слов ничего другого понять нельзя, кроме того, что Всеслав ополчился за город Янов. — Из других же летописей известно, что в сем году Всеслав занял Новгород или, словами новгородского летописца “зая Новгород”, по нынешнему же “зая Новгород своим войском” и, наконец:... В 1-й части древнего летописца на с. 22-й в обвинении новгородцами великого князя Ярослава Ярославовича вместо следующих слов: “отнял еси у нас Волхов и иные воды утечими ловцы (т. е. ловцами уток)... отнял еси у нас поле заечими ловцы” напечатано: “отнял еси у нас Волхов и иные воды, Утече и Миловцы... отнял еси у нас поле Заечь и Миловцы...” Вот каким простым способом ловцы или охотники, упражняющиеся в ловле уток и зайцев, преобразились вдруг, помощью необдуманной расстановки в словах, в какие-то небывалые уроцища! Так, как в предыдущей статье, от подобной же расстановки внезапно является какой-то небывалый город Янов»¹³.

¹³ А. Н. Оленин. Краткое рассуждение об издании Полного собрания дееписателей. — Сын отечества, 1814, ч. XII, № 7. С. 18—19; Хрестоматия по археографии. Под ред. профессора Г. Д. Костомарова. М., 1955. С. 132.

Аналогичный пример неправильной разбивки текста на слова приводит П. М. Строев в предисловии к «Софийскому временнику»: «В Русской летописи по Никонову списку (ч. VII, с. 219) вместо “и Нагай бы к Асторахани кочевали” напечатано: “и Нагай быка Сторахани кочевали...”»¹

В издании «Римских деяний» напечатано «З’еднавши себѣже гларе» вместо «себѣ жегларе» (т. е. моряков)².

Примеры неправильного разделения на слова могут быть почерпнуты и из современных изданий. Так, в издании текста Эрмитажного списка конца XVIII в. в томе XXV «Полного собрания русских летописей» напечатано: «...и не вдадимъ... от сущихъ под рукою наших князии светлых никакому мужескому же скъблазну или вине»³. Текст этот бессмыслен. Между тем в рукописи XVIII в. он разделен вполне правильно: «никакому мужескому блазну или вине».

Разделение на слова бывает иногда очень трудным и принципиально важным. Так, например, в «Повести временных лет» под 859 г. сказано, что варяги брали дань из заморья с чуди, словен, мери, веси и кривичей. Дальше идет следующий текст: «А козари имаху на полянѣх, и на съверѣх, и на вятичѣхъ, имаху по бѣльи вѣверицѣ от дыма». Хотя в издании «Повести временных лет» (серия «Литературные памятники», 1950) я и разделил текст «по бѣльи вѣверицѣ», что означает «по серебряной монете и шкурке белки», но можно разделить текст и так: «по бѣльи вѣверице». Это последнее будет означать «по белой белке», т. е. «по шкурке зимней, белой белки». В пользу последнего чтения будет говорить и следующее место в «Слове о полку Игореве»: половцы брали «дань по бѣльи от двора». О серебряной монете в «Слове о полку Игореве» ничего не говорится, хотя события происходят через три века, когда крестьянское хозяйство несомненно развилось. Выражение «бѣлая вѣверица» следует понимать в связи со следующим. Мех белки (под древнерусски «вѣверицы») ценится только зимний, как наиболее прочный. Зимний мех белки — «белый», серый. Сравнительно рано в русском языке определение-прилагательное «белая» вытеснило существительное «вѣверица» и само приняло суффикс существительного — «белка». В подтверждение чтению «бѣльи вѣверицѣ» можно привести, кроме «Слова о полку Игореве», следующее место из Лаврентьевской летописи под 1068 г.: «кунами и белью»; в Ипатьевской летописи это место понято так: «кунами и скорою» (т. е. мехами), что свидетельствует о том, что в древней Руси слово «белья» понималось иногда как мех (беличий, разумеется). Однако Б. Д. Греков считает, что читать это место надо «по бѣльи вѣверицѣ». Он приводит следующий материал в обоснование своей точки зрения: «В Ипатьевской летописи, под 1257 г.: “Данило послы Коснитина... до побереть на них (ятвягах) дань. Ехав же Коснитин, поима на них дань: черные куны и белья сребро, и вдасть

¹ Хрестоматия по археографии. С. 135.

² Римские деяния. СПб., изд. ОЛДП, 1877–1878. С. 348.

³ ПСРЛ, т. XXV. М.; Л., 1949. С. 344 (к сожалению, в предисловии к тому не указано, кем именно подготовлялся к изданию текст Эрмитажного списка).

ему...”¹. В зависимости от разделения этих слов стоит очень многое в понимании денежного хозяйства Руси X в.

Известен тот принципиальный и очень важный спор, который возник в связи с тем, как надо читать в списках «Русской Правды» в статье 16-й: «смерди холоп» или «смерд и холоп». В зависимости от того или другого чтения существенно менялись представления о социальном положении смердов².

Неясности с разделением текста на слова создавались не только у современных исследователей (хотя надо самокритично признать, что исследователи ошибаются чаще, чем древние переписчики рукописей). В «Повести временных лет» под 1024 г. читается следующий текст: «И приде Якунъ с варягы и бѣ Якунъ съ лѣпъ, и луда бѣ у него золотомъ истѣкана... и Якунъ ту отбѣже луды златоѣ». Якун — вождь варяжского отряда — Гакон. Он упоминается не только в «Повести временных лет», но также в Эймундовой саге, где говорится о варягах на Руси, и в Киево-Печерском патерике. В последнем о нем говорится явно на основании «Повести временных лет»: «Бысть в земли варяжьской князь Африкан, бран Якуна Слѣпаго, иже отбеже от златыа луды, биася полком по Ярославе с лютым Мъстиславом». Название Якуна «слепым» в Киево-Печерском патерике явное недоразумение. Слово «сълѣпъ» получилось из «съ лѣпъ»: Якун был одет в золотую луду и был в ней красив («лѣпъ»). Упоминание о том, что Якун был красив и одет был в золотую луду, нужно летописцу для того, чтобы посмеяться над Якуном, покинувшим во время бегства с поля битвы эту самую примечательную часть своей одежды³. Было бы, однако, совершенно неправильно при прочтении текста Киево-Печерского патерика исправлять эту ошибку, получившуюся в результате неправильного разделения на слова древним составителем Киево-Печерского патерика летописной статьи 1024 г. «Повести временных лет». Почему же нельзя исправлять эту ошибку? Потому, что в «Киево-Печерском патерике» она о с м ы с л е н а, стала фактом понимания составителем событий 1024 г., стала явлением текста.

¹ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.; Л., 1949. С. 37. — См. также работу В. Трутовского «Векша, веверица, бела» (Труды Этнографо-археологического музея Первого МГУ под ред. профессора А. И. Некрасова. М., 1926).

² См. об этом споре: «Правда Русская», т. II, Комментарии. Сост. Б. В. Александров, В. Г. Гейман, Г. Е. Кочин, Н. Ф. Лавров и Б. А. Романов, под ред. акад. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1947. С. 319—324.

³ Об этой любопытной ошибке, введшей в заблуждение не только составителей «Киево-Печерского патерика», но и многих летописцев, а также историков (Татищева, Карамзина, Соловьева и мн. др.), см. исследование Н. Ламбина: О слепоте Якуна и его златотканной луде. Критико-филологическое разыскание. — ЖМНП, 1858, май. Любопытно, что ошибка эта («сълѣпъ» вместо «с лѣпъ») вошла даже в роман А. Ладинского «Анна Ярославна — королева Франции» (М., «Советский писатель», 1961). А. Ладинский художественно конкретизировал слепоту Якуна, заставив его потерять глаз от сарацинской стрелы в стычке под Антиохией и носить затем черную повязку (с. 46).

Правильное разделение текста на слова находится в непосредственной связи с правильным пониманием текстологом лексической стороны текста.

Насколько важно знание языка, его истории, родственных языков и умение пользоваться лингвистической литературой, показывает хотя бы известная история с толкованием следующего места в русском проложном житии княгини Ольги: «И заповеда ему (Святославу. — Д. Л.) с землею равно погрести ся, а могилы не сути (т. е. “не съсути” — не насыпать. — Д. Л.), ни тризны творити, ни дына деяти, но после злата к патриарху Царяграда». Выражение «ни дына деяти» не было понято ни позднейшими писцами, ни многими исследователями, на разные лады изменявшиими и толковавшими этот текст. Исследователь погребальных обычаяев древних славян А. А. Котляревский предложил читать это место «ни бдына деяти» и толковал слово «бдын» (им сочиненное), как производное от слова «буда» и вкладывал во все выражение такой смысл: «не делать надстройки, сруба над могилою»¹. Однако Н. И. Серебрянский на основании изучения различных разночтений этого места, привлекая различные данные древнеславянских языков, вполне удовлетворительно истолковал это место: «ни тина (дына) деяти», или «ни тина раскрайти» — значит не заниматься «кожекроением», «лицедранием» (ср. аналогичный погребальный обычай, отмеченный в житии князя Константина Муромского)². То, что слово «тин» или «дын» было забыто, привело к появлению большого числа разночтений в последующих рукописях. Продолжали эту работу переписчиков и позднейшие исследователи. Все они старались по возможности «облегчить» это место, но не понять его. Надо принять за правило: если перед нами в каком-нибудь месте памятника непонятное слово, то надо исчерпать все возможности его объяснения и только после того как все возможности его объяснения отпали, предполагать в нем ошибку. Одной из самых плодовитых причин появления грубых ошибок в изданиях текста является непонимание устаревшего слова.

К числу малопонятных выражений, подвергшихся разнообразным переделкам и у древних писцов, и у новых исследователей, принадлежит и слово «коць» в следующем месте распространенной проложной и минейной редакций «Жития князя Михаила Черниговского»: «Тогда Михаил соима ко ць свой и верже к ним (к татарам. — Д. Л.) глаголя: “Приимете славу света сего, ея же вы хощете”». В некоторых списках и редакциях «коць» заменен на «меч», «гривну злату», «венец», бессмысленное в данном тексте «конец», «бармы» и т. д. Благодаря обстоятельному исследованию Н. И. Серебрянского, привлекшего инославянские словарные материалы, в настоящее время это слово «коць» может считаться окончательно объясненным: это название княжеской одежды³.

¹ А. А. Котляревский. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868. С. 119–120.

² Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 26–28.

³ Там же. С. 125–127.

Примером неправильного осмыслиения непонятных слов или непонятной терминологии путем выискивания в ней собственных имен может служить следующее место Псковской третьей (по нумерации А. Н. Насонова) летописи. В Псковской третьей летописи имеется следующий текст под 1472 г.: «... и послаша гонцовъ своихъ нолна (вплоть.— Д. Л.) и до Кирьипиге»¹. Кирьипига — это ливонский город Кирипега (Кирремпе). Это место в свое время в «Северном архиве» было прочитано так: «... и послаша гонцовъ своихъ Нолна и Дикиръ и Пигъ»².

Весьма поучительный пример ошибочного прочтения приводит Н. А. Казакова³. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского⁴ и в «Материалах для терминологического словаря древней России Г. Е. Kochina⁵ мы находим слово «итолок». И. И. Срезневский не приводит его объяснения, а Г. Е. Kochin ссылается на это слово в тематическом указателе в рубрике «должностные лица». Взято это слово из издания «Первой псковской летописи», где под 1463 г. читается следующий текст: «Присла князь mestер ризский своих послов, честные люди, Ивана князча Сивалдайского, итолка своего Индрика и иных немец добрых»⁶. Кроме того, Г. Е. Kochin ссылается еще на грамоту новгородского посадника в Ригу 1418–1420 гг., изданную А. И. Соболевским и С. А. Пташицким⁷. Любопытно, однако, что в изданиях Новгородской первой летописи и Новгородской четвертой летописи слово это встречается в изложении начала войны между Новгородом и Ливонией 40-х гг. XV в., но осмысляется как имя собственное: «...а воюеть князь Григорий из заморья Клевьский про своего проводника Итолка Ругодивца»⁸. Между тем, как убедительно доказала Н. А. Казакова, никакого слова «итолок» или собственного имени «Итолок» не существовало. Текст во всех приведенных случаях следует читать — «и толка», т. е. «и переводчика».

Неправильное разделение текста на слова может возникать в результате того, что текстолог не принял во внимание географическую терминологию своего времени. В грамоте на бересте № 19 издатель следующим образом разделил слитный текст на слова: «Да только буде сътарому мъсель доводъ ле». Перевод этого места дается следующий: «Да только едва ли будет старо-

¹ Псковские летописи, вып. 2. Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955. С. 189.

² Северный архив, 1822, ч. IV, ноябрь, № 22. С. 260. — За указание этого прочтения приношу благодарность Л. А. Дмитриеву.

³ Н. А. Казакова. О загадочном слове «итолок» новгородских и псковских летописей. — ТОДРЛ, т. XXIV, Л., 1969. С. 139–141.

⁴ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. 1. СПб., 1893, стб. 1168.

⁵ Г. Е. Kochin. Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л., 1937. С. 137.

⁶ Новгородские и псковские летописи. — ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848. С. 225.

⁷ Палеографические снимки с русских грамот. СПб., 1903, № 41.

⁸ Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 423–424. Ср.: ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848. С. 123; Новгородская летопись по Синодальному хардайному списку. СПб., 1888. С. 423; ПСРЛ, т. IV, вып. 2. Л., 1925. С. 439.

му выгода-добыча»¹. Между тем разделение текста на слова должно быть, конечно, такое: «до Водъле», а не «доводъле». Водла и Сухая Водла соединяют Онежское озеро с Водлозером. Слово «мъсель» означает «намерение». Перевод того места должен быть такой: «Но если появится у старого намерение (плыть) до Водлы»².

Иногда неправильные разделения на слова бывают очень правдоподобны. Так, например, И. Д. Беляев, издавая «Слово о житии и преставлении Дмитрия Ивановича»³, напечатал «всѣмъ вѣнецъ въ будущемъ» вместо «в семь вѣце и въ будущемъ»⁴. Ошибка издателя произошла здесь потому, что он был недостаточно знаком с устойчивыми формулами окончания литературных произведений.

*

Правильное прочтение текста предполагает правильное понимание всех выносных букв, сокращений и условных обозначений. При издании текста текстолог может оставлять титла, сокращения и выносные буквы не внесенные в текст — это дело его как издателя (к этому вопросу мы еще вернемся), но для установления текста текстолог должен понять и мысленно раскрыть все условные обозначения и все сокращения. Если он этого не сделал — он не понял текста.

Для того чтобы правильно раскрыть сокращения, необходимо иметь точное представление о языке данного текста. Так, например, если выносится над строку частица «ль» или «ли», то «ъ» и «и» часто в рукописях не дописываются. Каждый раз поэтому возникает вопрос как писать: «только» или «толко», «ль» или «ли», «же» или «ж». Чтобы правильно раскрыть то или иное сокращение, надо изучить язык списка в целом. Сокращение «цръ» может быть раскрыто и как «царь», и как «цесарь», прилагательное «црский» — и как «царский», и как «царьский». Ответ на вопрос — как раскрыть это сокращение, часто бывает невозможно получить даже в языке списка, тогда необходимо обращаться к языку эпохи и к данным о происхождении памятника из той или иной местности. Так, например, если памятник московский, глагол «есть» необходимо раскрывать с «ъ», но в памятниках и списках западнорусских, может быть, правильнее оставлять «ест».

¹ А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954. С. 19–20.

² См. подробнее: Д. С. Лихачев. Рец. на кн.: А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954. — Советская археология, 1957, XXVII. С. 327. — Это же разделение на слова принимает и Л. П. Жуковская: Новгородские берестяные грамоты. М., 1959. С. 95.

³ Временник имп. Общества истории и древностей российских при Московском университете. XIV. М., 1852.

⁴ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. С. 11.

В затруднительных случаях необходимо обращаться к лингвистам. К сожалению, у нас нет словарей сокращений вроде тех, которые существуют в западноевропейской литературе¹. Правда, сокращения в древнерусских рукописях употреблялись реже, чем в западноевропейских, но все же они есть, и создать справочное пособие по этим сокращениям — одна из насущных задач советской текстологии. Сокращения эти разного типа: «а» — алтын, «в де» — 2 деньги, «м» — монастырь, «схмн» — схимник, «кнзъ» — князь и т. д.

*

Очень трудный вопрос — это вопрос о расстановке в древнем тексте знаков препинания. Прочесть текст — это не только правильно разделить текст на слова, но и понять его синтаксически. Внешним выражением этого правильного синтаксического понимания древнего текста и является правильная расстановка в нем знаков препинания. Оставление текста без знаков препинания (полностью или частично) во многих случаях означает, что издатель не решается интерпретировать текст, или что он его не понял. Серьезным препятствием к расстановке знаков препинания служит то обстоятельство, что современная расстановка знаков препинания приспособлена к современному же синтаксису, который сильно отличается от синтаксиса древнего. Применять же древнюю пунктуацию невозможно: она не систематична и совершенно не изучена. Отмечу, между прочим, что изучать древнерусскую пунктуацию можно только в связи с древнеславянской и византийской. Существенную помощь могут оказать исследования античной и средневековой западноевропейской пунктуации. В ряде случаев текстолог просто не знает, как расставить знаки препинания, и либо в таком случае вовсе их не ставит, либо модернизирует текст. Приведу только один пример. Союз «а» не отделяется сейчас точкой от предшествующего текста, но в старинных текстах это делать иногда совершенно необходимо: в актовом материале отдельные клаузулы вводятся именно этим союзом «а». Но и в пределах, допустимых современной пунктуационной системой, знаки препинания расставляются иногда издателями неправильно, явно указывая на непонимание ими текста. Так, например, в издании «Временника» дьяка Ивана Тимофеева, выполненном в т. XIII Русской исторической библиотеки, читаем: «... царь позна жену свою, яко Адам Евву. Вне породы некако святому ношаевлением зачатие сына царю.... известившу...» и т. д.² «Порода» — это рай. Очевидно, что «вне породы» относится к предыдущему и точка должна быть поставлена после этих двух слов.

¹ Ср., например: A. Capelli. Lexicon abbreviaturarum. S. I, 1901. — О сокращениях в западноевропейских рукописях см.: О. А. Добиаш-Рождественская. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. М; Л., 1936. С. 163—196; здесь же литература вопроса.

² РИБ, т. XIII. СПб., 1909, стб. 288.

Правильное прочтение текста, т. е. правильное его понимание, требует не только правильного «узнавания» лексики, морфологии, синтаксиса текста, отдельных сокращений, происхождения отдельных механических ошибок, но и правильного восприятия его содержания в связи с эпохой, географическими обозначениями своего времени, историческими именами лиц и пр. и пр. Очень многие ошибки прочтения текста получаются из-за того, что текстологи плохо знакомы с явлениями эпохи, историческими именами, старыми географическими названиями, технической и всякой иной специальной терминологией, теологическими понятиями, библейской историей и т. д.

К древнерусским текстам в известной мере применимо то правило, которое хорошо сформулировано С. М. Бонди в отношении рукописей писателей нового времени. С. М. Бонди пишет: «Может быть, раньше уже следовало упомянуть об одном правиле, являющемся основным в работе чтения черновика, которое действительно всегда, но особенно необходимо в случаях особой трудности, когда невозможно добраться до начала работы писателя, или когда теряется нить ее последовательности, или когда особенно запутанные и разбросанные обрывки текста не поддаются прочтению. Это правило: идти в работе не от частей к целому, а от целого к частям (и потом опять к целому); не из прочтения отдельных слов составлять целое стихотворение, отрывок; а наоборот, пользоваться пониманием целого для прочтения отдельных слов. Здесь также нет внутреннего противоречия, так как и здесь в этой работе целое и части взаимно обусловливают друг друга. Сначала, путем первого несовершенного ознакомления, читающий должен составить себе представление об общем содержании отрывка: что это такое? о чем там идет речь? каков общий замысел? Затем, имея уже это представление, читать отдельные слова, догадываясь об их значении не изолированно; а в свете составленного общего представления о целом, о замысле вещи. И, наконец, из этих расшифрованных деталей, отдельных слов и фраз составляется новое, полное, уже не общее, а вполне конкретное знание о читаемом отрывке в целом. Такова в общем схема работы при чтении трудных текстов»¹.

Конъектуры

В тех случаях, когда единственный список испорчен в каком-либо месте или когда все списки изучаемого произведения в том или ином конкретном месте текста дают явно испорченный текст или текст, который, хотя и ясен,

¹ С. М. Бонди. О чтении рукописей Пушкина. — Изв. АН СССР, ООН, 1937, № 2-3. С. 592.